

БОРИС ФИЛИПОВ

Рубежи

Вашингтон
1962

БОРИС ФИЛИПОВ

Рубежи

Стихи 1942—1962

*Господи! - сказал я по ошибке,
Сам того не думая сказать.*

Осип Мандельштам

В а ш и н г т о н
1 9 6 2

Е Ж У

Все права сохраняются за автором

All rights reserved

**Herausgeber: B. Filipoff, 1763 Columbia Rd., Washington 9, D. C.,
U. S. A.**

**Druck: I. Baschkirzew Buchdruckerei
8 München-Allach, Peter-Müller-Str. 43, Deutschland.**

Printed in Germany

НА СКЛОНЕ

1.

Терять, терять — и только множить рать
Возможных встреч, нетщётных упований, —
И вновь страдать, любить и умирать,
Рожать и зачинать для терпкости страданий.

И все же — быть. И все ж опять любить —
Для мук любви, для мук неразделенья.
И снова жить — и снова пережить
Всё те же смерти, страсти и рожденья. 1961

2.

«Господи!» — сказал я по ошибке . . .»,
А люблю, люблю и не могу —
Сердце бьется, как младенец в зыбке, —
Херувим на дальнем берегу.

Ну, какие там слова и речи?
Только глаз безмолвный разговор,
Пересохших губ — любви наречье
С незапамятных и до сих пор.

А слова . . . Не надо их, не надо! —
И без них — я твой, а ты — моя . . .
Падает последняя преграда.
Не таись, дыханье затая . . .

1961

3.

Опять. И сложно. Нет, не пережить!
Клочки, обрывки облаков и слов,
И просинь яркая, и оборвалась нить,
И снова тех же веток часослов.

И на скамье . . . О, если б десять лет
С души и тела! . . . Что же, разве я . . .
Трепещут листья. Снова: да иль нет? —
И страх отказа — бритвы лезвия.

И вместо слов — скамья. Осенний парк.
Усталый полдень, светлые глаза . . .
О, ты не опоздал, любви подарок! —
Улыбка, просинь, медь листвы, слеза . . .

1961

4.

Всё это ложь, и ничего не надо:
Ни этой ржавчины листвы шуршащей,
Ни этой легкой чувственной улады,
На голых ветках призрачно дрожащей.

Нужна одна любовь, единая отрада:
Мгновенный взгляд, огонь рукопожатья:

— «О, как я рад!» — «Я бесконечно рада . . .»
. . . А посчастливится — горячее объятие . . .
Ты ждал и верил. Вот твоя награда. 1961

5.

Поет не песнь, а душу и слепую,
Соленую и горькую польнь,
И ветер, набегая и стихая,
Несет отгул незнаемого рая,
Какую-то земную Аллилуйю
Какую-то слепящую тепльнь.

И вот опять. Уже гремят победу,
Ненужный марш, всегда зовущий в смерть:
А мне не до того: бегу, лечу и еду
На колеснице бурь в отверзшуюся твердь.

Нет, не умру! Нелепо ведь, подумай, —
Мне умирать, мне, что поверх отчизн,
Поверх судьбы, поверх страстного шума
Так полюбил простое слово: ж и з н ь. 1961

6.

В умирающем покое
Еле брезжит тихий свет,
В этом призрачном застое
Жизни не было и нет.

Только бродит тень с лампадкой
По скрипучим залам сна,
Да осветится украдкой
Над старинною укладкой
Облик трепетный: — о н а.

Дребезжащею гитарой
Треснут стёкла тишины, —
Над обнявшеюся парой
Кошкой старой и поджарой
Выгибают спину сны.

И мурлыкает и стонет
Дым столетий — тишина.
Алый свет лампадки тонет,
В рамке руки в грусть уронит
Облик трепетный: — о н а . . .

1961

7.

Нет, не сказать. Ведь вот — молчит любовь,
И Бог нас осуждает за слова,
И все же говоришь, и все же вновь
Над узорочьем слов склонилась голова.

Не нужно слов. — И вот — опять слова, —
Ведь в них причастен вечной жизни — миг . . .
. . . Над узорочьем слов склонилась голова,
Чуть брезжит домирующий ночник . . .

1961

8.

Серый, седенький, дождит,
Зелень, как воробушки . . .
Ну, куда ты, погоди, —
Спой: «полна коробушка» . . .

Песней полон влажный рот,
Счастьем — «Коробейники» —
И любовью. Ну, так вот,
Вот твои затейники.

Солнца выжди. Погоди,
Лучше поцелуемся.
Серый, седенький, дождит,
Неприятна улица.

1962

9.

Выменяй душу на письма,
Заройся в глухой листопад,
Карты слепой побродяжки
Откроют слепую судьбу:
Медными листьями — счастье,
Мертвой листвою — любовь,
Ветром — нежданную радость,
Гаданьем — свободу от снов.
Выменяй душу на карты:
Волю безглазую вон!
Слышишь: тасую колоду.
Видишь: ветров перезвон.

1957

10.

Радостно встречай утро обновления,
Ветер, листву осеннюю разметающий,
Будь листом отлетающим, птицею перелетною —
Вить гнездо свое тебе нет уже времени.

Позабудь про всё, коли всё забудется:
Сбереги лишь улыбку губ неулыбчивых,
Голос песенки, скорбью надтреснутой,
Да уголек от костра отгоревшего.

1961

11.

Прощальной песней свиристит кузнечик,
И фольга под ногой шуршит с дерёв,
И стадо золотом обрызганных овец
Протопчет небо в поисках кормов.

Там, на закате, где в кисель вишневый
Струей молочной льется небосвод,
Земля разверзнет сморщившийся рот,
Обросший колко гущею сосновой.

И так брести, обнявшись, в никуда,
Вот этак, бесконечною дорогой,
Забыв заботы зыбки и труда,
Забыв про годы жизни недотрогой, —

Без цели, без рассудка, без конца
Идти, идти, без слов, обняв друг друга,
Пока не стихнет отблеск багреца,
Пока поет душа — моя Подруга . . .

1962

НАД ПРОПАСТЬЮ СКОЛЬЗЯ

1.

Длинной цепочкою шествуют крысы
В бликах зеленых притихшей луны,
Лунные отблески влажны и лысы,
В комнате смутно колышатся сны.

Двигутся крысы лунной дорожкой,
Шаркая по полу тысячью лап . . .
Броситься б в шествие рыжею кошкой, —
В спину зубами, в ощеренный храп!

Двигутся, кружатся — жутко, бесстрастно,
То исчезают в бездонную тень,
То освещаются месяцем ясно, —
И без движенья лежу я безгласно:
Боже, скорей бы нерадостный день! . . .

1943

2.

Пауки в стеклянной банке
Тараторят о России,
Крутят ветхую шарманку
О единстве интересов.
Домодельные витии
Разрываются на части:
За деревьями нет леса,
За сужденьями нет страсти.

Но грызут друг друга люто:
— Нет, российские народы!
«Нет, народности России!» —
И проходят дни и годы,
Пишут скудно, спорят круто:
— Третий Рим! — «Ну, нет, — Мессия!» —
А за банкой, за покутом —
Необъятная Россия . . . 1945

3.

Вот это состоянье полубденья
И полусна — качание вагона,
Река за стеклами и каркающий говор,
И вседовольный блеск начищенных сапог!
Мой Боже! Навсегда, навеки — полужизнь
В качании раздерганных вагонов,
С рекою в аккуратных берегах,
Всё той же обнаглевшей черепицей,
Кричащей всем презрительно: чужак!
Чужой везде и всем. Тоскую по земле,
Не бывшей в бытии первопрестольном
И бывшей вечно в горьком небытье.
И я бегу по гибнущей планете,
Ищу пристанища для дум бродяжких —
И твердо знаю: не найду его. 1947

4.

Взнуздай коня — рассудок маловерный, —
И чувств разлив топчи копытом фраз! —

Ты будешь вечно прав, ты будешь первый,
Устроишь жизнь и исполнишь указ.

Над пропастью скользя, усмешкой дерзкой
Дразни ее, и шпоры дав коню,
Стремись к предельному сигнальному огню —
Болотному? — или в трясине мерзкой

Рожденному, чтоб осиять закат
Напраслины затоптанных желаний?
Несись вперед! — Ведь рад ты иль не рад,
А всё не вырвешься из рабства и страданий.

Взнуздай коня! 1947

5.

Напрасный труд! Нет, не взбодрить тебя,
Мой павший конь, мой взмыленный умишко . . .
Пусть самозванец, душу теребя,
Зовет с собой в свой выцветший домишко, —

Напрасный труд! Взъерошенный орел
Крылами бьет обрушенную тушу,
А конский глаз слезится на престол,
Вонзивший страх в дряхлеющую душу . . .

Напрасный труд! Седая нищета
Осилила и всадника, и лошадь,
И опустела призрачная площадь,
И старый батюшка прощамкал: — Суета . . . 1949

6.

В распад, в ничто, в безглазое туда,
Откуда никому уж нет возврата,
И жгучее сознание стыда,
И тела отмирающая вата.

Ну, что ж, — когда-нибудь пробьет твой час,
Когда усталая заснет надежда,
С души спадет, как ветхая одежда,
Плоть алчная, измучившая нас.

Когда мигнет облезший циферблат
И оспины часов сотрутся в вечность,
И мертвая прямая бесконечность,
Зевая, скажет: — Вот свободы ад... 1949

7.

Ах, наплевать! — Знать, вывезет а в ось
На пастбища питательного мира...
Бросай скорей взволнованную лиру,
Хватай свирель — чувствительную трость.

«Тюрлю-люблю, — свирелит сладко трость, —
Люблю-тюрлю — ланиты, очи, уши...»
Злой барабанщик тарыхтит всё глуше —
Недаром брошена ему в услуду кость.

«Люблю, — свистит назойливо свирель, —
Люблю тебя, мой сладостный обманщик...» —

А вечером свирепый барабанщик
Возьмет тебя под боевую трель.

Ты понесешь невинное дитя,
Свирельщик будет подбирать объедки,
Сюсюкая: — «Ах, миленькие детки,
Тюрю — я жизнь проспал, — умру шутя . . .» —

А барабан приманит новых дур,
Разверзнет материнские утробы . . .
Взволнованная лира, — у порога гроба
Тебя забыл свирельщик-трубадур. 1949

8.

А кровь во мне как будто не моя —
Свернулась ржаво сгустками чужими, —
Оскомина: рассвет, тоску жуя,
Стучит дырявыми кастрюлями пустыми.

— Эх, распошел! . . — эх, чубчик кучеряв! . . —
Окурок вплющен в грустную газету.
Заснуть? — Нет сил. — Да и кого к ответу?
Себя? другого? — Голову зажав
Тисками рук . . . 1953

9.

Мы привыкли ко всему:
Чорт с котятами в дому.
Чорт свистит в больной кулак —

Потешает он котенка,
Подле мается чудак,
С ним смазливая девчонка.

Девка бровью поведет —
На колени чорт падет,
Сладко всхлипнет: кис-кис-кись, —
С человеком разведись!
Что тут пользы: прямоног,
Но тебе ни царь, ни Бог!

Девка встанет — дрогнет грудь, —
Ей чудак: — Моя ты зорька,
Не могу я к а к - н и б у д ь:
Без тебя мне о-чень горько! —

Так под пологом небес
В нашем очумелом доме:
Потаскуха, вшивый бес,
Три котенка и балбес —
Все, хозяев кроме.

1953

10.

Вот опять вспоминаю — и горе
Сладко ноет под снегом висков.
Ни укора, ни уговора, —
Только память небывшей любви.
В высоте студенистый пламень,
Искры инея в море песков,
Надо мною замшелый камень
И короткое: — позови.

1957

11.

Бык, похитивший Европу,
Вскоре загрузил...

И грузно погрузнел: весь этот сброд
Бродил, грозил, не выгрузил парада,
Не здесь рядился в род, годился в год, —
Родился он в рядах, — и вот его награда.

А в чем беда? — Не мог бежать туда,
Где грусть Арагв, цветут гелиотропы,
Где ревность и любовь — и нет труда,
И блудников-мужей встречают

Пенелопы...

1961

12.

Пусть обреченные. Ну, что же,
Ведь это тоже не позор, —
Благослови, Всесильный Боже,
Нам уготованный топор.

Перекрестясь, взойдем на плаху.
Палач, твердящий про добро,
Нас возвратив земному праху,
Отвергнет платы серебро.

И тридцать гривенников тонких,
Мигнув разумнейшим гербом,
Исчезнут за холмом-горбом
И канут средь травинок звонких...

1961

13.

Милое злокозненное чадо:
Чадно в мире — уповай на чудо:
Чудный витязь побивает гада:
Зев чудной, но очи ж — изумруды.

В ночи ж точишь меч на супостата,
Дивному покорствуя примеру
Юрия, святого стратилата, —
И стремишь сражаться в стратосферу.

Не стихи ж решать как теорему, —
Воевать летишь в широком мире
И ракетную свою трирему
Направляешь ввысь — и выше мира, шире.

Шире мира, выше гор Памира
Ты взвиваешься, злокозненное чадо, —
И молчит расчетливая лира,
Ожидая пораженья гада.

1962

14.

Уходи, душа, не прячься в слово,
В слово, оперенное на славу,
Пусть Нева, пусть новь, пусть все, что ново,
Все, что ново, что тебе по нраву.

Не Москва, что Немосквою стала,
Китай-городом привыкшая к Китаю,

Что индийским лалам путь устлала
И Берлином повернулась к маю.

Эк, подумаешь, вселенская уездность!
Для тебя ль, что крылья распластала
Для вселенского словесного накала —
Не в бездонность, а скорее в бездность

Увлекая, не в Китай, не в Конго —
На тот свет, в подвздох — и за пределы
Духа, под трезвон, орган, удары гонга, —
Где нет слов, где немые, где умелые

Слов бессловье — и душа, как птица . . .
Нет там слов, и Слово там гнездится.

1962

15.

Город сонный на реке могучей,
Белый, с голубыми куполами, —
Ох, как много силы и величья,
Ох, как много памяти и песен!

Вольной волей, кулаками машешь,
Звонком колокольным лъешься в небо,
На разгулье бьешься непорядком
И князей не рядом вышибаешь.

И святых, и грешных, скоморохов,
И купцов, и баб простоволосых

Много ты над Волховом расставил —
Как иконный ряд Руси исконной.

И зачем за дальними морями
Не могу забыть шелом Софии,
Не могу избыть повольных песен,
Ель седую у стены детинца?

Много есть на свете ладных песен,
Ласковых подруг и слов приветных, —
Только нет родней трезвона Юрья,
Выше нет, чем небо над Софией!

1962

16.

Златозвезды прыщут с сини куполов,
Золотые буквы вывесок летят,
Злато кренделей под звон колоколов,
Дребезжат трамваи перезвону в лад.

Синие извозчиков ватные зады,
Торопливый гомон, прыски воробьев, —
Вот она, Москва, Москва на все лады,
Золотая, синяя, назад полста годов.

Эх, мальчишеский вербный тесный рай —
Зазывалы-пряники, шарманка, карусель,
На качелях с милою — ну, еще поддай! —
Вяземские, тульские, дешевка-карамель.

Приголубь голубу в голубой обряде,
Голуби на площади, Спасские врата, —
И идет веселый, в праздничном разряде,
И душа гармоникой миру отперта.

Что же, пестрота — так будь же попестрее,
Что же, быстрота — так будь же побыстрее, —
Господи, ведь молодость — вот она идет:
Крестный ход с Успенского, грешный
хоровод . . .

1962

ВИДЕНИЕ ЛЕСТВИЦЫ

1.

Вот лестница возносится до неба —
Без всякого начала, без конца:
Куда ведет? Откуда? — Нет ответа,
Не может быть ответа. Но ступени
Исхожены стопами поколений,
Обжиганы стертые и стерты обжиганые,
Как будто бы шли толпы в эту высь —
И тени позабытых и славнейших,
И робкие следы учеников.
Идут, идут. И падают. И снова
Стремятся ввысь, чтоб с холодной высоты
Низринуться на алчущую землю,
Разбрызнуть жизнь и все свои мечты.
А лестница возносится до неба . . .

31. дек. 1961

2. БАХ

На крыше ржаво заскрипел петух,
Вонзился крест в безоблачное небо,
В органе говор ветра не потух:
Простая тема: даждь сегодня хлеба.

Подслушанный случайно разговор,
Раздумчивый распев рожка пастушья
Ввергаешь ты в торжественный собор,
Противоборствуя удушью и бездушью.

Вздыхает хор: Ты, Сильный, в небесах,
Ты требуешь немедленной расплаты...
Звонит мелодия: напрасен страх:
С Господним Именем в младенческих устах
Ты видишь Вечности в забытые палаты.

1949

3. МОЦАРТ

С полунóчи зазвенели струны,
Детский хор, заплакали басы —
Dies irae сумрачные руны,
Рок предвечный пудренной косы.

Умирать так трудно и не надо...
Колокольцам Папагено вслед
Беззаботно петь в лучах Монады
Радость детскую всецелых лет.

Обгоняет тема ход органа,
Слезно молит: Боже, обожди!
Крестный ход любви, рассудка рану
Заливают голоса-дожди.

Но явилась скорбная вещунья,
Нарушая фуги голосов:
Дон-Жуану ворожит колдунья,
Хор гремит встревоженных басов.

Мать Пречистая, Святая Роза! —
Льются звуки вечной тишины,
И в веках запела Lacrimosa
На полях чужой ему страны... 1942

4.

Вся как есть исхожена словами,
Только нету этих слов верней,
Чем — любовь и вера. И над нами
Солнце золотится золотей.

И святится солнце словесами
На ступенях Родины моей,
Золотится солнце телесами,
Загорает ржавчиной полей,

Брызжет клейкою листвою березы,
Песнями ликующих любвей, —
Звонко щелкают весенние морозы
По ступеням алым от кровей.

И идем, идем в торжественное небо: —
Лестница как будто невподъём —
Разверзает огненную требу
Солнечный и звездный водоем.

И плывут слова над облаками,
Оставляя тот же горький след,
Словно сладкий сон скользнул над нами —
Сон, в котором сновидений нет. 1962

5.

На четвереньках шел трезвон
И оборачивался медным
Гуденьем пчел под небом бледным,
Над строем изб понурым, бедным
Забывтых Господом сторон.

И над смиренным озерком,
Качая звон двуперстых далей,
Покрытых дѣвичьим платком —
И ничего-то здесь не жаль ей, —
Творит по лѣстовке поклон.

И всё тут есть — и ничего:
Лишь даль отверженной равнины,
Речушек зябнущих низины,
Трезвон невнятный про Него . . .

1962.

СОДЕРЖАНИЕ

НА СКЛОНЕ

1. Терять, терять — и только множить рать	3
2. «Господи!» — сказал я по ошибке»	3
3. Опять. И сложно. Нет, не пережить!	4
4. Все это ложь, и ничего не надо	4
5. Поет не песнь, а душу и слепую	5
6. В умирающем покое	5
7. Нет, не сказать. Ведь вот — молчит любовь	6
8. Серый, седенький, дождит	7
9. Выменяй душу на письма	7
10. Радостно встречай утро обновления	8
11. Прощальной песней свиристит кузнечик	8

НАД ПРОПАСТЬЮ СКОЛЬЗЯ . . .

1. Длинной цепочкою шествуют крысы	9
2. Павки в стеклянной банке	9
3. Вот это состояние полубденья	10
4. Взнуздай коня — рассудок маловерный	10
5. Напрасный труд! Нет, не взбодришь тебя	11
6. В распад, в ничто, в безглазое туда	12
7. Ах, наплевать! — Знать, вывезет авось	12
8. А кровь во мне как будто не моя	13
9. Мы привыкли ко всему	13
10. Вот опять вспоминаю — и горе	14
11. И грузно погрузнел: весь этот сброд	15
12. Пусть обреченные. Ну, что же	15
13. Милое злокозненное чадо	16
14. Уходи, душа, не прячься в слово	16
15. Город сонный на реке могучей	17
16. Златозвезды прыщут с сини куполов	18

ВИДЕНИЕ ЛЕСТВИЦЫ

1. Вот лестница возносится до неба	20
2. Бах	20
3. Моцарт	21
4. Вся как есть исхожена словами	22
5. На четвереньках шел трезвон	23

